

20. БРАГИНКА-МОЛНИЯ

В конце 1993 года в редакцию фермерской газеты "Новая земля", которую я редактировал, пришло неординарное письмо. Обычно мужчины исповедуются либо по пьяни (это все слышали) либо в храме (этого никто не слышал). Наш читатель-мужчина исповедался ... перед речкой Брагинкой.

Речка сия в Гомельской области, на границе с Украиной. Мелиораторы ее выпрямили, превратили в типовой канал. Чернобыль выселил с ее берегов людей. О Брагинке я писал в одной из книг, в газете же продолжил хронику исчезающей речки. Тем привлек к своей персоне внимание современника. Письмо-исповедь мы напечатали, сохранив в тайне имя мужчины, о чем он настоятельно и обоснованно просил.

Из его письма:

"Я коренной минчанин, город и городскую жизнь люблю, хотя всю жизнь работаю ради первозданной природы. Работа ответственная, но отвечаю только за себя, за свой профессионализм и за свою совесть. Бог предостерег меня от власти над другими людьми. Я не начальник — ученый. Моя тематика примыкает к Чернобыльской. Замечаю за собой, что начинаю привыкать к Чернобылю. Все мы к нему привыкаем. Возможно, начался процесс психологической адаптации, который с течением времени перейдет в физиологический процесс. Без этого человек не выжил бы. Мы, белорусы, сами оберегаем себя от Чернобыля тем, что забываем о нем, будто он нас не касается. Но надо четко знать, что Чернобыль коснется каждого белоруса. Говорю это как специалист. Чернобыль уже влился в белорусскую кровь, через два-три поколения потечет в каждом из нас.

В октябре 1993 года я шел по улице Красноармейской в Минске. Там спуск вниз, брусчатка. Всегда стоят автобусы с областными номерами. Туда, в институт радиации, привозят чернобыльских детей на комплексные исследования. Это место знают в Минске и в Беларуси все. (Прекрасно оборудованный институт радиации в 1998 году президентская администрация выселила, забрав здание под поликлинику для высокопоставленных лиц — А.К.)

Иду и вижу, как всегда, автобус, а возле него немолодую женщину с мальчиком лет пяти. Я сразу ее узнал. Прошло двадцать пять лет, как ее не видел, а узнал, будто расстались вчера. Чем такое объяснишь? Тем, что все эти годы она, как пишут в романах, жила в моем сердце.

Это было в 1968 году. Меня направили в командировку в Брагинский район Гомельской области. Местные ребята пригласили на рыбалку. Поехали

на грузовике в конце дня, под ночь. Ребята в кузове. Меня как столичного гостя посадили в кабину. С нами ехала девушка. Красивая! Ей было лет девятнадцать, учительница младших классов. В тесной кабине сиделось нам тесно, а потому хорошо. О чем-то говорили, не помню. Дорога шла меж цветов, две белые колеи летели навстречу. Между нами возникло чувство, потянуло друг к другу. Каждый человек, мужчина и женщина, по себе знает, как прекрасны такие минуты.

Рыбу ловили в Брагинке. Ловилось хорошо. Было тепло, вечером цветы на берегу сильно пахли. Мы ловили сетью, браконьерничали. Шли возле берега по горло в воде, течение было ощутимое, валило с ног. Она шла по берегу, по тем цветам, смотрела на меня, как я барахтался в воде, смеялась.

Огонь разложили в темноте. Почистили рыбу, поставили уху. Ребята бегали по траве, кувыркались, согревались после воды. Молодые же! Ночь была ясная, все вокруг сверкало, шелестело. Я все время видел ее. Мы дурачились, она неподвижно сидела у костра, смотрела не на меня — на огонь.

Под уху выпили. Пока выпивали, говорили тосты, ели уху, насунулась неожиданная гроза. Молнии, гром, ливень. Огонь потух. Вымокли до нитки.

Ребята полезли в кузов ехать домой, а меня опять — в кабину. Она тоже со мной. Едем. Никогда не забуду, сверкнула молния, осветила мосток через Брагинку. Тут я ее поцеловал. Она как ждала. Мы стали целоваться жадно, не обращая внимания на шофера, пожилого дядьку.

Ливень хлещет по стеклу, хлопцы наверху горланят песню, мы с ней потеряли головы. Шофер останавливает машину, говорит мне, не глядя в нашу сторону: "Не трогай ее. У нее жених там, в кузове, мокнет. Ты уедешь отсюда, а ей тут век надо прожить, чтобы все хорошо было. Иди остынь!"

Я полез в кузов. Меня подвезли к вагончику экспедиции, где предстояло переночевать. Гроза не прекращалась. Они быстро уехали. Она — тоже. Я сразу уснул. Не слышал, как в деревне Колыбань, на окраине которой стоял вагончик, молния подожгла дом, как ребята бегали тушить. Это наутро мне рассказал тот же шофер. Он вез меня в Брагин к автобусу. Ехали по длинной улице Колыбани. Я спросил, где она живет. "Брось, парень, дурить!" — сердито сказал шофер. А я не дурил. Я ее любил. Страшно хотелось увидеть. Что мне помешало не выскочить из кабины? Что не пустило к ней? Самая настоящая дурь. Не раз сожалел об этом. Не мог ее забыть. И, как выяснилось, не забыл.

Она меня узнала мгновенно. Растерялась, схватила на руки мальчика. "Кто это?" — спросил я. Также ведь растерялся, не знал, что делать, что

говорить. Повел в скверик там же, на Красноармейской, на скамеечку посидеть. Она мальчика несет на руках. Я, как дурень, второй раз спрашиваю, кто это. "Ванечка, — говорит она, — мой внучек."

В скверике посидели совсем немного. Она боялась, что уйдет автобус. Ванечку привозила на обследование в институт. Мальчик болел. Родился в Брагинском районе, там нет здоровых детей. А жили они в Гродненском районе. В чистую зону переселились в 1989 году. Она с мужем, семья дочки с больным Ванечкой. Его надо было спасти за границей. Денег на операцию не было. Выхода из положения не видели. Она плакала, когда рассказывала. Муж пьет, зять пьет. Я спросил, кто муж. "Ты знаешь кто," — ответила она.

Она помнила все. Тогда, после моего бегства, над ней смеялись. Хотела бросить школу, уехать куда-нибудь. А куда? Она была сирота. Выход был один. Вышла замуж за того парня. Он пьяно горланил в кузове и знал, что делается в кабине. Этого нельзя было скрыть. Чувство между мужчиной и женщиной — как молния. Всем видна. Он не простил. Бил ее. Счастья не видела. Думала, счастье принесет внук, а тут такое горе.

Признаюсь вам, как родному человеку. Вы тоже исповедались перед Брагинкой, читал в вашей книге. Вы меня поймете. Как посадил ее внука, Ванечку, себе на колени, прижал к груди его головку, — вспомнил запах цветов на берегу Брагинки, где сейчас нежилая зона. Не выдержал, разрыдался. Плакал оттого, что у нее не сложилась жизнь, что я удрал от своего счастья. Что не позвал ее с собой. Если бы позвал, если бы она была рядом, то в ее жизни не случился бы Чернобыль. Я виноват перед ней за все. Я — грешник. Потому и в моей семье не гладко, не сладко.

Прости меня!"

Под письмом мы поставили подпись: **Современник**.

Газета "Новая зямля" имела тираж всего 10 тысяч экземпляров. Каким-то чудом попала в руки именно той женщине-переселенке. В том, что женщина прочла письмо без имени-адреса и поняла, что оно адресовано ей, — в этом никакого чуда нет. Светила молния любви — и все было ясно. Женщина прислала мне ответ. Ее ответ шел целый год.

К тому времени фермерский начальник нашу независимую редакцию разогнал, набрал послушную, которая вскоре спилась и газету угробила. Через союз писателей женщина разыскала мой домашний адрес и посчитала необходимым поблагодарить меня за ... свое счастье. Был я чужим людям не сват не брат, а сделался, как видите, душеприказчиком.

Женщины пишут подробнее, чем мужчины. Письмо чернобыльской переселенки большое, во многом повторяло то, что мы уже знаем. Цветы на берегу Брагинки. Звездная ночь. Ливень. Молния. Мосток. Если бы не существовало всего этого, Он и Она забыли бы друг друга. Природа впитала их любовь, несла в себе четверть века, спасла.

Из ее письма:

"... Попрощавшись в скверике, мы не обменялись адресами. Зачем? Жизнь прожита, прошлое не вернуть.

И все-таки я не удивилась, когда через месяц получила его письмо. Мое сердце ждало. Как, спросите вы, он меня нашел? Через Ванечку. Пошел в регистратуру, Ванечка там записан один из района. Узнал наш адрес.

В Германии у него друг. Так он собрал у знакомых денег, марок своих, и нас приглашают: везите Ванечку на лечение. Дочка моя поехать не смогла. Выпало мне. Поехала бабка на чужбину и нашла любовь.

Когда уезжали в Германию, я знала, что с нами там произойдет. Он взял отпуск, поехал с нами. Без него мы не нашли бы того немца. Нашел причину.

Было как раз лето, тепло. Немец повез нас на пикник, на речку. Ванечку уже выписали из больницы, повеселел, и мы повеселели через него. Взяли с собой. Рыбу никакую не ловили, купили в магазине.

Засиделись на речке дотемна, кажется, речка Хунка, так звали немцы. В темноте мы с ним пошли по берегу. Пахло цветами. Как когда-то на Брагинке. Он меня попросил: можно тебя поцеловать? Пока Ванечке делали операцию и он лежал в больнице, ничего такого не позволял. А тут — сказал.

Все у нас было в первый раз. Мы опять, как тогда в кабине, потеряли головы."

Ситуация, как говорят, требует не комментариев, а заклинаний:

Пусть возродится белорусская Брагинка, чтобы в океане встретиться с немецкой Хункой!

Пусть поправится и долго-долго живет Ванечка!

Пусть газеты летают между людьми, как не прирученные птицы и не знают амбициозных туповатых хозяев!

Пусть Она и Он встретятся вновь на родной земле и сполна возьмут то, что потеряли в юности, — любовь!

Однажды я написал, что мои документальные рассказы-хроники бесконечны. Их продолжает сама жизнь. Я не могу поставить точку. Примерно раз в пять лет возвращаюсь к особо дорогим мне сюжетам. Связи с героями поддерживаются письмами, телефонными звонками, редкими встречами. По обоюдному желанию.

Герои данной хроники, названные мною Она и Он, потерялись из виду года на три. Сами не объявлялись, я их не тревожил. Неловко вмешиваться в чужую жизнь. Спасибо за то, что приоткрыли мне свою тайну, а дальше — она достояние только двоих.

Однако я себя не убедил, потому что любопытен, как все мы. К тому же сюжет заждался продолжения. В 1998 году я позвонил мужчине и как пароль спросил: "Как Ванечка? Наверно, уже в третьем классе?" — "Нет нашего Ванечки", — ответил мужчина.

Мы встретились. Он рассказал, что произошло три года назад, в 1995-м.

Жизнь Ванечки поддерживал дорогостоящий препарат. Прием — трижды в день. Немецкий друг организовал в своем городке фонд под названием "Ваня". Деньги собирали, препарат покупали. В Беларусь передавали как придется — знакомыми, водителями машин, доставляющих гуманитарную помощь.

В 1995 году белорусские таможенники затормозили один из немецких грузовиков, везущих компьютерное оборудование для школы. Гуманитарным груз не признали, потребовали заплатить пошлину. Машину загнали на стоянку. Арестовали багаж шофера, в нем находилось и лекарство для Ванечки. Шофер знал, что лекарство надо срочно передать по назначению. Таможенников упросить не удалось, боялись нарушить инструкции. Лекарство было дорогим, дефицитным, не имело сопроводительных документов, подлежало задержанию и проверке. Может быть, таможня закрыла бы глаза на инструкцию, отдала бы Ванечке его лекарство, но как раз на таможне, как злой зверь, рылся государственный контроль.

Бабушке, вызванной на таможню шофером, не удалось убедить государственных людей ни медицинскими справками на Ванечку, ни рыданиями. Она позвонила в Минск. Думаю, понятно кому. Он немедленно поехал туда. Доказывал им. Умолял. Учинил скандал. Вызвали милицию. Посадили на трое суток за хулиганство. Отсидел. Вернулся в Минск. Поднял на ноги всех знакомых, добился освобождения шоферского имущества. Лекарства Ванечки там не оказалось. Со времени задержания прошел месяц, Ванечка уже лежал в больнице. Не дождавшись новой посылки, заказанной в

Германии, он умер. Ванечка прожил 7 лет, 2 месяца, 5 дней. В первом классе поучился 1 месяц и 3 дня.

"После смерти Ванечки мы с ней не виделись, — сказал он. — По возвращении из Германии между нами ничего не было. Только — Ванечка. Мы не смогли. Ванечка между нами стоял, как стыд. Я был на его похоронах. Она проводила меня на вокзал. Прощаясь, попросила забыть ее. Я понимаю. Заставил себя поставить точку. Готовы документы на отъезд в Германию. Здесь я никому не нужен. Детей нет. Мои разработки лежат. Природовосстановительные технологии, которыми я занимаюсь, требуют денег и ответственности. Ни того ни другого в государстве нет. На встрече с президентом наши академики просили указать им научные истины. Его просить не надо, для того и явился, чтобы указать. Такого невежества в академии не было даже при коммунистах. Скорее бы вырваться отсюда!"

С болью ставлю точку в данной хронике и я, автор-сводник, свидетель, в некоторой степени участник. Ванечки нет. Речка Брагинка исчезла. Деревня Кольбань закопана. Белорусская земля игнорирует истину, стыдит любовь, укоряет счастье.

1999